

ОБРАЗОВАНИЕ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 378.1+378.4+327.8

DOI: 10.17853/1994-5639-2019-10-9-31

МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТЕОРИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Д. М. Ковба¹, Е. Г. Грибовод²

*Институт философии и права Уральского отделения
Российской академии наук, Екатеринбург, Россия.
E-mail: ¹daria_kovba@mail.ru; ²gribovod_kate@mail.ru*

Аннотация. Введение. В эпоху глобализации и тотальной цифровизации феномен мобильности приобретает особую актуальность в гуманитарном дискурсе. Технологические, социально-политические, экономические изменения, проникая в образование и науку, способствуют их интернационализации и интенсификации, а также инклюзивному росту в этих приоритетных для современного общества знаний сферах. Изучение академической мобильности в контексте теории «мягкой силы» позволит количественно измерить и качественно оценить информационно-образовательную инфраструктуру как отдельной научно-образовательной организации, так и страны в целом.

Цель представленного в статье исследования – комплексно рассмотреть международную академическую мобильность студентов как компонент и ресурс «мягкой силы» государства в постиндустриальных реалиях.

Методология и методы. Методологической базой работы служили дискурсивный и концептуальный подходы к обсуждаемой проблематике. Использовались общенаучные методы: сравнительный и системно-структурный анализ, синтез, обобщение, компаративный метод. Данные статистических отчетов и глобальных рейтинговых систем обрабатывались посредством вторичного анализа. В соответствии с методом (тестом) Спирмена рассчитан коэффициент ранговой корреляции между численностью иностранных студентов в странах, вошедших в Топ-30 рейтинга «мягкой силы», и показателями рейтинга университетов мира.

Результаты и научная новизна. С опорой на аналитический обзор научных публикаций ученых Европы, США, России и Китая синтезированы теории

«мягкой силы» и академической мобильности. Подтверждена гипотеза о наличии тесной взаимозависимости практического воплощения этих концепций. Академическая мобильность, в том числе виртуальная, показана как важный инструмент достижения геополитических и экономических целей как в долгосрочной, так и в краткосрочной перспективе. Вместе с тем установлено, что академическая миграция воспринимается неоднозначно: с одной стороны – с позиций экономическо-политической целесообразности; с другой – как следствие глобализации, трансформирующей архитектуру высшего образования. Если западные исследователи акцентируют позитивные стороны международного обмена студентами и учеными, то российский научный дискурс большей частью сосредоточен на негативных тенденциях данного процесса.

Определены два направления формирования «мягкой силы» в области образования: подготовка будущих лидеров (элиты) и обучение рядовых граждан. Зафиксированы векторы обсуждаемого вида мобильности – западнцентричный (англо-американский) и новый, азиатский (евразийский), в котором особое место занимают Китай и китайский язык. Для уравнивания образовательных потоков инициировано создание сетевого университета стран – членов ШОС. Обозначены препятствия на пути повышения эффективности его деятельности.

Практическая значимость. Материалы исследования и сделанные на их основе выводы расширяют представления о возможностях и ограничениях реализации академической мобильности, повышающей конкурентоспособность вузов.

Ключевые слова: академическая мобильность, «мягкая сила», виртуальная мобильность, высшее образование, ШОС, МООК.

Для цитирования: Ковба Е. Г., Грибовод Д. М. Международная академическая мобильность сквозь призму теории «мягкой силы» // Образование и наука. 2019. Т. 21, № 10. С. 9–31. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-10-9-31

INTERNATIONAL ACADEMIC MOBILITY THROUGH THE PRISM OF SOFT POWER THEORY

D. M. Kovba¹, E. G. Gribovod²

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia.

E-mail: ¹daria_kovba@mail.ru; ²gribovod_kate@mail.ru

Abstract. Introduction. In the era of globalisation and digitalisation of society, the phenomenon of mobility is of particular relevance in the humanitarian discourse. Technological, socio-political and economic changes, penetrating into

the sectors of education and science, contribute to internationalisation, intensification, as well as the inclusive growth of these priority areas of society. The study of academic mobility in the context of the theory of soft power will make it possible quantitatively measure and qualitatively evaluate the information and educational infrastructure as a separate educational and scientific organisation, and the country as a whole.

The *aim* of the present research is to comprehensively consider the international academic mobility of students as a component and recourse of the country's soft power in post-industrial realities.

Methodology and research methods. The methodological framework of the research involves discursive and conceptual approaches. The following general scientific methods were used: comparative and system-structural analysis, synthesis, generalisation and comparative method. Statistical reports and data from global rating systems were analysed and processed through the method of secondary data analysis. The coefficient of rank correlation of the relationship between the number of foreign students in the countries (included in the Top 30 of soft power) and indicators of the rating of the world universities was calculated according to Spirman's rank correlation test.

Results and scientific novelty. The theories of soft power and academic mobility are synthesised on the basis of an analytical review of scientific publications by European, American, Russian and Chinese scientists. The hypothesis of the close interdependence of these concepts is confirmed. Academic mobility, including the virtual one, is shown to be an important tool for achieving geopolitical and economic goals both in the long-term and short-term perspectives. It is established that academic mobility, on the one hand, is determined from the standpoint of economic and political expediency; on the other hand, as a consequence of the globalisation, transforming the higher education system. While Western researchers emphasise the positive aspects of international law by students and scientists, the Russian scientific discourse is largely focused on the negative trends of this process.

Two directions of soft power formation in the field of education are identified: training of future leaders (elite) and education of ordinary citizens. The authors revealed the vectors of the discussed type of mobility – Western-centric (Anglo-American) and the new one Asian (Eurasian), in which China and the Chinese language take a special place. It was initiated to establish the SCO University Network among the representatives of member states in order to balance educational flows. The obstacles to its effectiveness are identified.

Practical significance. The research findings and conclusions extend the knowledge of the possibilities and limitations of the academic mobility realisation to increase university competitiveness.

Keywords: academic mobility, soft power, virtual mobility, higher education, the SCO, MOOC.

For citation: Kovba D. M., Gribovod E. G. International academic mobility through the prism of soft power theory. *The Education and Science Journal*. 2019; 21 (10): 9–31. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-10-9-31.

Введение

Процесс глобализации оказывает воздействие на системы высшего профессионального образования (ВПО) разных стран, способствуя усилению международных академических коммуникаций и активизации мобильности в образовательной и научной среде. Рост спроса студентов, преподавателей и ученых на непрерывное образование (*lifelong learning*), изменение характера отношений между правительствами стран и университетами, появление большого количества программ академического обмена, ассоциаций университетов, в свою очередь, влияют на характер и структуру образовательного рынка. На фоне тотальной цифровизации приоритетным направлением развития стран становится подготовка кадров для цифровой экономики и совершенствование системы высшего образования в постиндустриальном обществе. Данные процессы представляют большой интерес для педагогов, социологов и политологов.

Развитие и поддержка на высоком уровне системы вузовской подготовки, востребованной как внутри страны, так и среди иностранных студентов и аспирантов, может рассматриваться в качестве одного из национальных ресурсов «мягкой силы». В условиях формирования «глобального ландшафта высшего образования» [1, с. 16] именно академическая мобильность становится значимым компонентом ВПО, интегрирующим дистанционное электронное обучение с традиционными практиками педагогической деятельности и позволяющим обеспечить массовый доступ к непрерывному образованию. С помощью усиления такого рода мобильности, в том числе ее виртуальной версии, страны стремятся увеличить свою «мягкую силу» в геополитическом и экономическом планах.

Основной целью изложенного далее исследования был комплексный анализ международной академической мобильности студентов как составляющей «мягкой силы» государства в эпоху глобализации и цифровизации. Для достижения поставленной цели следовало, во-первых, определить направления и особенности такой мобильности; во-вторых, подтвердить ее взаимосвязь с теорией «мягкой силы»; в-третьих, изучить существующие возможности и ограничения научно-образовательных учреждений, касающиеся обсуждаемого процесса.

Обзор литературы

Проблематика академической мобильности достаточно полно раскрыта в работах зарубежных и отечественных авторов. В посвященных этой теме публикациях нередко затрагиваются такие аспекты, как «утечка мозгов»; «циркуляция мозгов» в среде студентов и ученых; сохранение и привлечение человеческого капитала, т. е. «обратная мобильность ученых» и «обратная утечка мозгов» [1–4].

Ван дер Венде, занимающаяся вопросами европейской университетской мобильности, полагает, что причины ее роста – экономический дисбаланс между странами / регионами и потенциальные шансы для отдельных людей увеличить свои доходы: студентов и преподавателей привлекает более совершенная научная инфраструктура, лучшие условия труда / учебы и финансирования. Реализация благодаря соответствующей национальной политике перечисленных факторов может повысить привлекательность страны как научного и инновационного центра [5].

Важным направлением изысканий становится выявление взаимосвязей академической мобильности и образовательной (учебной) миграции, которые иногда используются как синонимичные понятия [6].

У. Тейхлер обращает внимание на то, что в дискурсе об интернационализации ВПО акцентируется прежде всего международная мобильность студентов, тогда как не менее интенсивная миграция представителей профессорско-преподавательского состава вузов и ученых исследована недостаточно как в отношении статистики, так и в плане теории [7]. Однако в последнее время начали появляться восполняющие данный пробел публикации, в которых в частности речь идет об адаптации ученых к новым культурным условиям [8, 9].

Виртуальная мобильность, будучи одной из форм академической мобильности, в научной литературе рассматривается как инструмент, облегчающий доступ к получению высшего и дополнительного образования, а также способствующий оперативному международному и межкультурному обмену знаниями и опытом посредством новейших информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) [10]. В общем виде процессы цифровизации и информатизации образования освещаются, например, Т. В. Никулиной и Е. Б. Стариченко [11]. М. П. Карпенко продемонстрировал возможности электронного обучения для формирования «мягкой силы» и развил идею использования образования как средства борьбы с негативными последствиями межнациональных конфликтов [12].

В контексте взаимосвязи академической мобильности и «мягкой силы» государств ранее нами на примере Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в качестве интеллектуального капитала были описаны ресурсы и стратегии культурной дипломатии [13]. С позиций глобального культурного

и лингвистического капитала Клэр С. Ли проанализирован феномен международной образовательной миграции китайских студентов [6].

Необходимость совершенствования обучения иностранных студентов в рамках политики «мягкой силы» с учетом последних тенденций в мировой образовательной среде подчеркивают В. В. Бондаренко, В. В. Заугаров и др. [14]. С. О. Сергеев, в свою очередь, попытался выяснить, в какой степени на международные отношения и повышение «мягкой силы» государств воздействует академическая мобильность и как она связана с Болонским процессом [15].

А. В. Торкунов справедливо утверждает, что достижение успеха на международной арене сегодня невозможно без вложений в человеческий потенциал, поэтому многие страны с развивающейся экономикой тратят значительную часть бюджетов на сферу образования, которое может стать важным конкурентным преимуществом и инструментом «мягкой силы» [16, с. 86].

Имеются работы, подтверждающие влияние программ международной мобильности на «мягкую силу» конкретных стран / регионов: исследования значимости иностранных студентов для Великобритании [17], тенденций и последствий студенческой мобильности в США и Китае [18], эффективности деятельности западных образовательных учреждений в государствах Персидского залива [19] и др. Вместе с тем польский политолог А. Войцюк, изучая проблематику нормативного влияния международных обменов, приходит к выводу о том, что они не всегда выступают источником «мягкой силы» [20].

Материалы и методы

Кроме общенаучных методов, таких как системно-структурный анализ и синтез, мы использовали дискурс-анализ, позволивший сосредоточиться на концептосфере академической мобильности и «мягкой силы». Их теории и концепции, предложенные специалистами из Европы, Китая и России, комплексно проанализированы компаративным методом. Суть понятий виртуальной и академической мобильности раскрыта с позиций концептуального подхода.

Методом вторичного анализа обработаны данные глобальных систем рейтингов: Academic Ranking of World Universities 2018¹ и др., а также статистика OECD², Class Central³.

¹ Academic Ranking of World Universities 2018. Available from: <https://drive.google.com/file/d/17rZNParkJoY70ny6Nq9eRCCtA2X1aHP/view> (дата обращения: 15.04.2019).

² Education at a Glance 2018: OECD Indicators. Available from: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/eag-2018-en.pdf?expires=1555689713&id=id&accname=uest&checksum=CBA17AE5E420AF698E1B9E9711885E49> (date of access: 13.04.2019).

³ Class central [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://www.classcentral.com/> (date of access: 28.10.2019).

Для установления взаимосвязи между количеством иностранных студентов¹ в странах, входящих в Топ-30 рейтинга «мягкой силы»², и рейтингом университетов мира (2015–2016)³ применялся коэффициент ранговой корреляции Спирмена (p). Расчет производился по следующей формуле:

$$p = 1 - \frac{6 \sum d^2 + A + B}{n^3 - n},$$

где n – количество стран, участвующих в ранжировании;

6 – неизменный коэффициент формулы;

$\sum d^2 = 1333$ – разность рангов каждой пары сопоставляемых значений (ранжированных количеств иностранных студентов и лучших вузов);

$A = 0$, так как у иностранных студентов нет одинаковых рангов;

$B = 29$ – значение числа лучших вузов одинаковых рангов.

Таким образом,

$$p = 1 - \frac{6 \cdot 1333 + 29 \sum d^2 + A + B}{30^3 - 30} = 0,702.$$

Полученное значение 0,702 (p приближается к 1) говорит о прямой сильной связи между количеством иностранных студентов в странах, входящих в Топ-30 рейтинга «мягкой силы», и количеством лучших университетов мира.

Добавим, что наша работа опиралась на исследование о неравенстве в процессе международной академической мобильности [21], а также на содержание документов о сотрудничестве университетов ШОС⁴.

¹ Education: Inbound internationally mobile students by continent of origin. Available from: <http://data.uis.unesco.org/index.aspx?queryid=169#> (date of access: 21.04.2019).

² McClory J. The Soft Power 30. A Global Ranking Soft Power 2018. Available from: <https://softpower30.com/wp-content/uploads/2018/07/The-Soft-Power-30-Report-2018.pdf> (date of access: 17.06.2019).

³ World University Rankings 2018. Available from: https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2016/world-ranking#!/page/0/length/-1/sort_by/scores_overall/sort_order/asc/cols/stats (date of access: 21.04.2019).

⁴ Концепция университета ШОС [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://studyabroad.mpei.ru/rus/USHOS/uscoConcept/Pages/default.aspx> (дата обращения: 11.06.2019); Хартия Университета Шанхайской Организации Сотрудничества 7 ноября 2011 года, Москва [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://cok.opredelim.com/docs/100/index-12920832.html> (дата обращения: 17.06.2019).

Результаты исследования

Теоретический аспект исследования академической мобильности через призму концепции «мягкой силы»

В общем виде мобильность – многоаспектное понятие, характеризующее движение физических предметов и нематериальных объектов (идей, информации и др.) [22, с. 74–76; 23, с. 58]. Под академической мобильностью понимают перемещение преподавателей, студентов, ученых, администраторов из одних научно-образовательных учреждений в другие для повышения квалификации, установления контактов, обмена знаниями и опытом [24, с. 249]. В международную академическую мобильность вовлечены разные участники образовательного процесса, однако в рамках нашей работы приоритет был отдан обучающимся.

Активизация академической мобильности приводит к интернализации и повышению прозрачности научного и образовательного процессов. С гуманитарной позиции это эффективный инструмент совершенствования профессиональных и коммуникативных навыков, открывающий возможности личного роста, изменяющий когнитивные матрицы ее участников. Международная мобильность должна прежде всего адаптировать университетские сообщества к мировому рынку труда, что достигается за счет ее различных форм: вертикальной / горизонтальной, краткосрочной / долгосрочной, входящей / исходящей и др. [25, с. 424].

В условиях интенсификации и цифровизации системы ВПО особая роль отводится виртуальной форме мобильности (в первую очередь массовым открытым онлайн-курсам – MOOC) – движению информации, цифровых потоков, формированию каналов коммуникации в информационно-образовательной среде с помощью новейших технологий. В образовательное пространство посредством такой мобильности вовлекаются социальные группы с разным уровнем подготовки, разного возраста, граждане с ограниченными возможностями здоровья, которые не могут участвовать в традиционных формах мобильности, и др.

Единого определения виртуальной мобильности нет. Исследователи акцентируют разные преимущества данной формы образовательной деятельности. С одной стороны, ее рассматривают как альтернативу физической мобильности, нивелирующую межкультурные коммуникационные и пространственные барьеры; с другой – как практический способ сетевого обучения, дополняющий и усиливающий эффект традиционного ВПО [26].

В государственных стратегиях дискуссии академической мобильности должно уделяться такое же большое внимание, как и дискуссии трудо-

вой занятости, поскольку и та, и другая являются значимыми для развития бизнес-сферы и социальных институтов. Важно также поощрение исследований мобильности и различных культурно-образовательных стратегий как на национальном, так и на международном уровне.

На основе анализа массива работ по указанной проблематике [2, 3, 6, 11, 19 и др.] мы выделили следующие ракурсы исследований:

- теоретическую интерпретацию дискурса мобильности, изучение ее форм, особенностей, акторов, инструментов; акцентирование желательности / необходимости стимулирования академической мобильности в современном мире;
- выявление социально-демографических особенностей участников международного рынка образовательных услуг;
- сравнительный анализ политики и стратегий академической мобильности различных стран;
- формирование типичных черт современных мобильных студентов и ученых, наложение этих черт на индивидуальный опыт;
- исследование проблем неравенства в области мобильности как на личностном, так и на глобальном уровне;
- анализ трендов, последствий, а также угроз, возникающих в результате интенсификации процессов академической мобильности;
- выяснение влияния академической мобильности на привлекательность государства, его «мягкую силу» [27, с. 182].

Остановимся подробнее на взаимосвязи феномена академической мобильности и теории «мягкой силы». Последняя трактуется нами как особый способ осуществления власти, направленный на создание благоприятных условий для проведения определенной политики. «Мягкая сила» подразумевает работу по трем направлениям: привлечение к себе, ведущее к подражанию или согласию; способность работать с повесткой дня международных институтов, устанавливая выгодные правила сотрудничества; формирование предпочтений населения [28, с. 198]. Первое и третье направления связаны с образовательными эффектами. С позиции теории «мягкой силы», долговременное воздействие, оказываемое на субъектов обучения в ходе образовательного процесса, более эффективно, чем краткосрочные пропагандистские кампании. Новые технологии расширяют возможности такого воздействия: виртуальная мобильность обеспечивает непрерывность обучения, переподготовки и повышения квалификации без строгих ограничений по времени и месту.

При анализе различных индексов и рейтингов «мягкой силы» стран прослеживается связь ее стратегии с образовательным компонентом. Так,

одним из суб-индексов в рейтинге «Soft power 30», конструирующим «мягкую силу» страны, наряду с «Правительством», «Культурой», «Цифровизацией», «Предприятиями» и «Обязательствами» является «Образование»¹. Метрики данного суб-индекса состоят из ряда показателей: число иностранных студентов в стране, качество ее университетов и их академическая производительность². Несмотря на то, что вес указанного суб-индекса составляет всего 16,6%, данный компонент крайне важен, поскольку он демонстрирует привлекательность страны для студентов, аспирантов, а также международной аудитории в целом, особенно в условиях конвергенции образовательных систем.

Повышать «мягкую силу» страны, используя академическую мобильность, можно несколькими способами. Во-первых, реализуя программы обучения будущих лидеров других государств, представителей элит. Примером такой стратегии являются осуществляемые американскими университетами программы подготовки зарубежных специалистов, в том числе из стран бывшего СССР. Возвращаясь к себе на родину, они становятся каналами распространения неолиберальных идей. Автор концепта «мягкая сила» американский политолог Дж. Най в книге «Будущее власти» писал, что главный результат образовательных обменов заключается в том, что «сорок шесть текущих и сто шестьдесят пять бывших глав правительств получили образование в Соединенных Штатах» [29, с. 97]. Во-вторых, можно обучать широкий круг людей, не принадлежащих к элите, которые по истечении срока программы начинают положительно оценивать государство обучения, перенимают идеи и когнитивные матрицы, свойственные образовательной и научной системам страны обучения.

Обмены студентами, аспирантами, преподавателями и учеными способствуют формированию добрососедских отношений и налаживанию взаимопонимания между народами. Самостоятельно полученные впечатления о государстве ломают некоторые стереотипы, устраняют страхи, возникающие от недостатка информации, укрепляют межкультурное сотрудничество. Но этот процесс имеет и негативную сторону: большое число контактов потенциально способно увеличить возможность межкультурных конфликтов, спровоцировать ситуацию стресса. «Мягкая сила» образования может обернуться «жесткой силой»: исследование М. М. Лебедевой показывает, что чересчур активное навязывание культурных образ-

¹ McClory J. The Soft Power 30. A Global Ranking Soft Power 2018. P. 32. Available from: <https://softpower30.com/wp-content/uploads/2018/07/The-Soft-Power-30-Report-2018.pdf> (date of access: 17.06.2019).

² Там же. P. 33.

цов и стандартов образования вызывает отрицательную реакцию у обучающихся [30, с. 217]. Чтобы избежать этого, необходимо внимательно планировать международные программы обмена, вовремя проводить их коррекцию и учитывать опыт других стран [27, с. 183].

Академическая мобильность может повышать привлекательность, а значит, и «мягкую силу» не только отдельной системы образования или определенного государства, но и индивида. Она помогает формированию универсальных и общепрофессиональных компетенций и направлена на развитие профессиональных и межкультурных навыков, что приводит к усилению личной «мягкой силы» обучающегося: образование за рубежом развивает такие «мягкие» навыки, как работа в команде, способность к эффективной коммуникации и адаптации, открытость новому. Кроме того, академическая мобильность стимулирует изучение иностранных языков и приобретение цифровой грамотности – навыков, которые, наряду с техническими знаниями, очень востребованы работодателями.

Практический вектор исследования международной академической мобильности: вызовы и задачи

Политика стран Западной Европы и США, а также дискурс академической мобильности, распространяемый ими, сегодня подвергается критическому анализу. Этот дискурс рассматривается как один из элементов неолиберального проекта глобализации, нацеленного на коммерциализацию и маркетизацию системы ВПО [24, с. 249]. Данный процесс влечет за собой вестернизацию образовательного пространства. Студенческие и преподавательские потоки также имеют западную направленность. Лидерами по количеству иностранных студентов и работников образования и науки являются Великобритания, Франция, Германия, США, а академический поток в них течет из стран Азии и Восточной Европы. В результате проект, изначально оцениваемый как интернациональный и созданный в интересах всех стран, работает в интересах западных государств, увеличивая их «мягкую силу». Для других акторов процесса академическая мобильность нередко оборачивается «утечкой мозгов».

На карте местонахождения 500 лучших университетов их концентрация наиболее высока в нескольких конкретных регионах: Европе (особенно северо-западной ее части), Азии (в частности, Японии и Китае), Северной Америке (в основном на восточном и западном побережьях США) и отчасти в Океании (юго-восточная часть Австралии). Рейтинг лучших университетов укрепляется, а репутация и возможности возрастают за счет способности привлекать таланты со всего мира на высокой конкурентной основе. Следовательно, без дополнительных ресурсов и усилий по

наращиванию потенциала и влияния вузами, не включенными или / и занимающими нижние позиции в рейтинге, нынешние потоки мобильности будут направлены в ограниченное число регионов мира. Как отмечают исследователи, в университетах развивающихся стран необходимо создать для ведущих ученых и обучающихся ряд условий, среди которых стоит выделить академическую свободу, неограниченный доступ к информации и лабораториям, высокий уровень академической культуры и финансирование. Данные факторы впоследствии могут привлечь и удержать талантливые научные кадры [4].

В табл. 1 и на рисунке показана диспропорция центров академической мобильности, подтверждающая тезис о том, что государства, обладающие большим потенциалом «мягкой силы», наиболее привлекательны для иностранных студентов и ученых.

Таблица 1

Соотношение стран в рейтингах «мягкой силы» и лучших университетов мира (Топ-300), 2018 г.

Table 1

The correlation of countries in the ratings of soft power and the best universities of the world (Top-300), 2018

Страна	Рейтинг «мягкой силы» ¹	Мировой рейтинг вузов ²	Академический рейтинг мировых университетов ³
Великобритания	01	38	28
Франция	02	9	14
Германия	03	36	20
США	04	84	95
Япония	05	5	9
Австралия	10	25	15
Китай	27	7	30
Россия	28	2	1
Индия	–	1	–

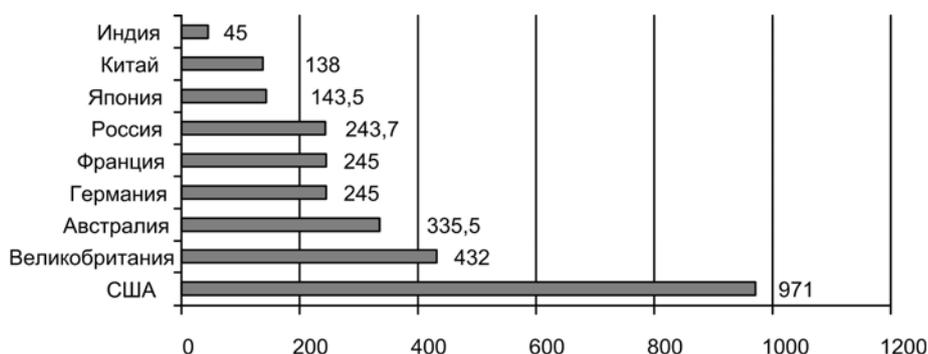
¹ McClory J. The Soft Power 30. A Global Ranking Soft Power 2018. Available from: <https://softpower30.com/wp-content/uploads/2018/07/The-Soft-Power-30-Report-2018.pdf> (date of access: 17.06.2019).

² World University Rankings 2018. Available from: https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2018/world-ranking#!/page/0/length/25/sort_by/rank/sort_order/asc/cols/stats (date of access: 15.04.2019).

³ Academic Ranking of World Universities 2018. Available from: <https://drive.google.com/file/d/17rZNParkJoY70ny6Nq9eRCCctA2X1aHP/view> (date of access: 15.04.2019).

В табл. 1 отражено количество лучших университетов мира в странах, занимающих первые строчки рейтинга «мягкой силы», а также в странах – членах ШОС – Китае, России, Индии. Национальные университеты других государств ШОС (Узбекистана, Казахстана, Пакистана, Киргизии, Таджикистана) не вошли в данные рейтинги.

На рисунке графически показано количество иностранных студентов в 2016 г. в тех же странах, что и в табл. 1. Существует явная корреляция между качеством университетов и количеством студентов, но есть и исключения. Так, в России имеется всего два лучших вуза, попавших в Топ-300, а количество иностранных студентов сравнимо с Германией или Францией. На последний параметр могут влиять и другие факторы. В случае России это тесные культурные, экономические связи и единое языковое пространство со странами, входившими в СССР.

Количество иностранных студентов вузов в 2016 г.¹, тыс. чел.
Number of international students in 2016, thousand pers.

В последнее время в противовес западноцентричному (англо-американскому) дискурсу академической мобильности развивается дискурс азиатский (евразийский), являющийся проводником стратегий «мягкой силы» таких государств, как Сингапур, Китай, Южная Корея, Индия, Казахстан и др. Одной из значимых стратегических инициатив стало создание Университета Шанхайской организации сотрудничества (УШОС)². Цели, задачи, направления и принципы сотрудничества данной сетевой ас-

¹ Education at a Glance 2018: OECD Indicators. Available from: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/eag-2018-en.pdf?expires=1555689713&id=id&accname=guest&checksum=CBA17AE5E420AF698E1B9E9711885E49> (date of access: 13.04.2019).

² Концепция университета ШОС [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://studyabroad.mpei.ru/rus/USHOS/uscoConcept/Pages/default.aspx> (дата обращения: 11.06.2019).

социации университетов на пространстве ШОС были юридически закреплены в Хартии УШОС, принятой в 2011 г.¹.

Сетевой принцип УШОС позволяет вузам данной организации осуществлять академические обмены, реализовывать совместные образовательные программы для подготовки конкурентоспособных кадров по приоритетным направлениям гуманитарно-культурного, экономического и научно-образовательного сотрудничества². Этот образовательный проект может сформировать единое азиатское (евразийское) пространство ВПО и стать впоследствии альтернативой европейской модели. Несмотря на то, что УШОС активно развивается, он еще не аккумулировал необходимые механизмы и ресурсы, соизмеримые с Болонским процессом, но начальный этап интеграции образовательных систем в евразийском пространстве уже пройден. УШОС усиливает «мягкую силу» стран – участниц ШОС и способствует укреплению добрососедских отношений между ними.

К ограничениям, тормозящим международную академическую мобильность, можно отнести, во-первых, отсутствие материально-технической базы и высококвалифицированных специалистов для реализации сетевой формы обучения; во-вторых, низкий уровень знания иностранных языков, мешающий обучающимся использовать международные образовательные онлайн-платформы, а также языковой барьер при осуществлении программ академической мобильности; в-третьих, нормативно-правовой вопрос – признание международных дипломов, полученных путем дистанционного и сетевого обучения работодателем и заинтересованными организациями.

Меры по повышению интенсивности международной академической мобильности могут быть приняты на уровне государства (чаще всего – в виде предоставления стипендий иностранным гражданам на обучение в рамках правительственных квот) и на уровне вузов. Мы полагаем, что помимо предоставления квот, действенными мерами являются развитие программ в рамках межправительственных соглашений и нормативно-правовое регулирование в данной области. Университеты, в свою очередь, могут разрабатывать и внедрять программы международной академической мобильности, предоставлять льготы по оплате образования талантливым студентам, постоянно повышать качество своих услуг, своев-

¹ Хартия Университета Шанхайской Организации Сотрудничества. 7 ноября 2011 г., Москва [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://cok.opredelim.com/docs/100/index-12920832.html> (дата обращения: 17.06.2019)

² Университет ШОС [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://uni-sco.ru/stat/2/stat_2.html (дата обращения: 14.06.2019)

ременно корректировать программы при возникновении проблемных ситуаций, а также вступать в международные сетевые проекты.

Важный фактор привлекательности и конкурентоспособности университета – его позиционирование в виртуальной среде: предоставление полной и понятной информации о программах и условиях обучения для потенциальных иностранных студентов, развитие программ дистанционного образования, массовых открытых онлайн-курсов (МООК). Последние служат средством, обеспечивающим виртуальную академическую мобильность обучающихся, а также инструментом «мягкой силы» высшего учебного заведения и стран, запускающих национальные МООК-платформы (например, в Индии – SWAYAM, в России – Открытое образование и др.).

Таблица 2

Динамика рынка массовых открытых онлайн-курсов (МООК) (источник: Class Central, отчеты за 2016¹, 2017², 2018³ гг.)

Table 2

Market dynamics of mass open online courses (MOOC) (according to Class Central, 2016¹, 2017², 2018³ reports)

Показатели	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Количество обучающихся	58 млн	81 млн	101 млн
Новые пользователи, подписавшиеся как минимум на один МООК	23 млн	23 млн	20 млн
Количество университетов	более 700	более 800	более 900
Количество МООК	6850	9400	11 400

Согласно информации Class Central (агрегатора данных по массовым открытым онлайн-курсам крупных МООК-платформ), несмотря на замедление в 2017 г. роста новых пользователей МООК, которые впервые зарегистрировались хотя бы на один курс, фиксируется стабильный рост участников данной формы виртуальной академической мобильности. В пятерку крупнейших МООК-платформ по численности пользователей входят Coursera (США), edX (США), XuetangX (Китай), Udacity (США), Fu-

¹ By The Numbers: MOOCs in 2016. Available from: <https://www.classcentral.com/report/mooc-stats-2016/> (date of access: 27.10.2019).

² A Product at Every Price: A Review of MOOC Stats and Trends in 2017. Available from: <https://www.classcentral.com/report/moocs-stats-and-trends-2017/> (date of access: 27.10.2019).

³ Year of MOOC-based Degrees: A Review of MOOC Stats and Trends in 2018. Available from: <https://www.classcentral.com/report/moocs-stats-and-trends-2018/> (date of access: 27.10.2019)

tureLearn (Великобритания)¹. Создание MOOK повышает привлекательность и узнаваемость вуза как элемент брендинга и рекрутинга перспективных обучающихся [31, с. 179].

Мы провели сравнение вузов с наибольшим количеством MOOK (не менее 100 курсов)² с занимаемыми ими позициями в рейтинге лучших университетов мира в 2019 г.³. Больше всего MOOK разработано в университетах США, входящих в перечень 50 лучших вузов мира. Любопытно, что в данный рейтинг попали также четыре университета Индии, занимающие 400–600 места. Данный факт свидетельствует о высоком интересе к продвижению своих образовательных дистанционных программ. Также активно реализуют MOOK, в том числе ряд курсов для англоязычной аудитории, Россия (Высшая школа экономики, 101 курс) и КНР (Пекинский университет, 108 курсов).

В нашей стране к программам международной академической мобильности сложилось два подхода. Представители первого полагают, что такие программы укрепляют дружбу, взаимопонимание между народами, способствуют сотрудничеству стран и налаживанию деловых контактов. В рамках второго подхода, напротив, иностранные программы академической мобильности воспринимаются очень настороженно или негативно: большие финансовые расходы, которые несут зарубежные вузы, не могут не содержать серьезной стратегической подоплеки – «мягкая сила» образовательного процесса повышает лояльность к государству, формирует нужные ценностно-культурные и политические установки, поощряет «утечку мозгов».

Если в работах западных исследователей акцентируются позитивные стороны академических обменов обучающимися и учеными, то в российском научном дискурсе в основном обращается внимание на их негативные тенденции и последствия. Это может быть обусловлено как рядом противоречий и проблем отечественной образовательной среды (разными образовательными стандартами и программами подготовки в российских и зарубежных вузах, ограниченным доступом к современным технологи-

¹ A Product at Every Price: A Review of MOOC Stats and Trends in 2017. Available from: <https://www.classcentral.com/report/moocs-stats-and-trends-2017/> (date of access: 27.10.2019).

² List of 941 Universities offering MOOCs / free online courses. Available from: <https://www.classcentral.com/universities> (date of access: 27.10.2019).

³ World University Rankings 2019. Available from: https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2019/world-ranking#!/page/0/length/25/sort_by/rank/sort_order/asc/cols/stats (date of access: 27.10.2019).

ям реализации мобильности и пр.), так и недоверием к западным идеям в целом.

Тем не менее благодаря усилению потенциала стратегических межвузовских партнерств и сетевых проектов, например УШОС, сетевого Университета БРИКС и др., академическая мобильность в РФ развивается. Очевидно, немаловажными факторами этого процесса являются культурная и экономическая связь между странами и отсутствие языкового барьера.

Полагаем, что для привлечения иностранных студентов целесообразно направлять целевое финансирование на поддержку ключевых вузов стран ШОС, заниматься популяризацией их деятельности, а также разрабатывать курсы для иностранцев по изучению русского языка, истории и культуры России, размещая их на международных образовательных онлайн-платформах.

Для того чтобы расходы государства на программы академической мобильности были не напрасны, необходимо постоянно заботиться об их качестве, отслеживать негативную обратную связь и на концептуальном уровне переходить от мышления в терминах «утечки мозгов» к дискурсу «циркуляция мозгов» и «обмен мозгами» между странами.

Обсуждение и заключения

Проведенное исследование позволяет составить целостное представление об академической мобильности как инструменте «мягкой силы» государства. Тезис о ее взаимосвязи с высоким уровнем качества системы ВПО подтверждается среди прочего предпринятым в Эдинбургском университете исследованием¹, зафиксировавшим статистически значимую связь между наличием ведущих мировых высших учебных заведений (университетов) в стране и количеством иностранных студентов. В том же источнике выделены факторы, способствующие привлекательности страны: состояние учреждений культуры, гражданская дипломатия, демократичность и уровень благосостояния.

Наш тезис о необходимости тщательно планирования организации и содержания программ обмена для того, чтобы они служили источником «мягкой силы» страны, соотносится с выводами А. Войцюк, который приводит статистику, касающуюся австралийских и японских международных об-

¹ Soft Power Today Measuring the Influences and Effects. P. 47. Available from: https://www.britishcouncil.org/sites/default/files/3418_bc_edinburgh_university_soft_power_report_03b.pdf (date of access: 13.04.2019).

разовательных программ, вызвавших психологический стресс и конфликтные ситуации среди студентов [17, р. 354]. На наш взгляд, проведение подобного полевого исследования опыта учебы в университете ШОС помогло бы улучшить качество программ и увеличить их популярность.

Дальнейшего изучения заслуживает также утверждение С. Ломера о том, что студенты не меняют свои политические взгляды и убеждения в соответствии с бытующими в принимающей стране, так как большинство из этих студентов уже положительно расположены к выбранному месту обучения [18].

Сегодня цифровизация общества в целом и частной жизни каждого отдельного человека трансформирует глобальную архитектуру образования. На смену традиционным формам получения знаний приходят сетевые, виртуальные университеты, образовательные онлайн-платформы. Расширяется матрица компетенций, которой должен владеть современный выпускник высшего учебного заведения. Исходя из этого, виртуальная форма академической мобильности – еще одна перспективная тема для продолжения исследований в анализируемой области.

В заключение еще раз подчеркнем, что образование в настоящее время – значимый ресурс «мягкой силы» страны (оно укрепляет престиж государства, наращивает его потенциал), а академическая мобильность – важный инструмент такой «силы», посредством которого можно достичь геополитических и экономических целей как в долгосрочной, так и краткосрочной перспективе. С образовательными эффектами наиболее явно коррелирует такой компонент «мягкой силы», как формирование предпочтений населения.

В ходе исследования нами были определены два пути формирования «мягкой силы» в области образования: обучение будущих лидеров, элиты, и обучение рядовых граждан. Изучен дискурс академической мобильности, выделены основные направления и особенности его исследования. Зафиксированы векторы обсуждаемого вида мобильности – западно-центричный (англо-американский) и азиатский (евразийский). Тезис об изменении глобальной образовательной иерархии согласуется с положениями работы Клэр С. Ли о формировании нового направления университетской мобильности, где Китай и китайский язык приобретают особое место и роль в процессе глобализации высшего образования [6]. Для уравнивания образовательных потоков рассмотрена инициатива создания сетевого университета стран – членов ШОС; обозначены препятствия на пути повышения эффективности его деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Marginson S., Van der Wende M. Globalisation and higher education // OECD Education Working Papers. 2007. № 8. 85 p. DOI: <https://doi.org/10.1787/173831738240>
2. Chen Q. Globalization and Transnational Academic Mobility. The Experiences of Chinese Academic Returnees. Singapore: Springer Science+Business Media Singapore and Higher Education Press, 2017. 122 p.
3. Pan S.-Y. Education abroad, human capital development, and national competitiveness: China's brain gain strategies // *Frontiers of Education in China*. 2011. Vol. 6, № 1. P. 106–138.
4. Zweig D. Learning to compete: China's efforts to encourage a reverse brain drain // *International Labour Review*. 2006. Vol. 145, № 1–2. P. 65–89.
5. Van der Wende M. International Academic Mobility: Towards a Concentration of the Minds in Europe // *European Review*. Cambridge University Press. 2015. Vol. 23, № S1. P. S70–S88. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1062798714000799>
6. Lee C. S. Global linguistic capital, global cultural capital: international student migrants in China's two-track international education market // *International Journal of Educational Development*. 2019. Vol. 67. P. 94–102.
7. Teichler U. Academic Mobility and Migration: What We Know and What We Do Not Know // *European Review*. Cambridge University Press. 2015. Vol. 23, № S1. P. S6–S37. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1062798714000787>
8. Geuna A., editor. Global mobility of research scientists, the economics of who goes where and why. Amsterdam: Elsevier BV, 2015. 310 p.
9. Pherali T. J. Academic Mobility, Language, and Cultural Capital: The Experience of Transnational Academics in British Higher Education Institutions // *Journal of Studies in International Education*. 2012. Vol. 16, Iss. 4. P. 313–333.
10. Otto D. Using Virtual Mobility and Digital Storytelling in Blended Learning: Analysing Students' Experiences // *Turkish Journal of Distance Education*. 2018. Vol. 19, № 4. P. 90–103. DOI: [10.17718/tojde.471657](https://doi.org/10.17718/tojde.471657)
11. Никулина Т. В., Стариченко Е. Б. Информатизация и цифровизация образования: понятия, технологии, управление // *Педагогическое образование в России*. 2018. № 8. С. 107–113.
12. Карпенко М. П. Особенности использования методов формирования «мягкой силы» в государствах мира средствами электронного обучения // *Человеческий капитал*. 2016. № 4 (88). С. 17–19.
13. Rusakova O., Kovba D., Gribovov E., Popova N. Cultural Diplomacy as the Intellectual Capital of Soft Power Exercised by the Shanghai Cooperation Organization Member states // *Proceedings of the 15th International Conference on Intellectual Capital, Knowledge Management & Organisational Learning ICICKM 2018 Hosted By University of the Western Cape South Africa 29–30 November 2018*. Edited by Prof. Shaun Pather, 2018. P. 277–284.
14. Бондаренко В. В., Заугаров В. В., Селезнев П. С., Юдина В. А. Концепция совершенствования университетского обучения иностранных студентов в Российской Федерации в рамках политики «мягкой силы» // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2018. № 8 (5). С. 6–18.

15. Сергеев С. О. Академическая мобильность как инструмент «мягкой силы» науки // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 6. С. 191–194.
16. Торкунов А. В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4 (25). С. 85–93.
17. Lomer S. Soft power as a policy rationale for international education in the UK: a critical analysis // Higher Education. 2017. Vol. 74 (4). P. 581–598. DOI: 10.1007/s10734-016-0060-6
18. Li J. Conceptualizing Soft Power of Higher Education, Perspectives on Rethinking and Reforming Education. Singapore: Springer, 2018. 251 p.
19. Bhuian S. N. Sustainability of Western branch campuses in the Gulf Region: Students' perspectives of service quality // International Journal of Educational Development. 2016. Vol. 49. P. 314–323. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2016.05.001>
20. Wojciuk A. Higher education as a soft power in international relations // Handbook of Cultural Security. Cheltenham: Edgar Elgar, 2018. P. 343–347.
21. Bilecen B., Van Mol C. Introduction: international academic mobility and inequalities // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2017. Vol. 43, № 8. P. 1241–1255. DOI: 10.1080/1369183X.2017.1300225
22. Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А. В. Лазарева. Москва: Практикс, 2012. 576 с.
23. Грибовод Е. Г. Медиатизации политики в рамках теории мобильности // Мобильность как измерение мягкой силы: теория, практика, дискурс: сборник научных трудов по итогам I Всероссийской научно-практической молодежной конференции, 17 октября 2018 г., Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2019. С. 56–68.
24. Русакова О. Ф. Мобильный дискурс в современных коммуникациях // Научные ведомости. Серия: Гуманитарная наука. 2014. № 13. С. 245–252.
25. Рязанцев С. В., Ростовская Т. К., Скоробогатова В. И., Безвербный В. А. Международная академическая мобильность в России. Тенденции, виды, государственное стимулирование // Экономика региона. 2019. Т. 15 (2). С. 420–435.
26. Macek A., Ritonija N. Virtual Mobility in Higher Education – The Case of DOVA Faculty // Studies from Education and Society. 2016. P. 98–106. Available from: <http://irisro.org/edusoc2016nov/26MacekAnita.pdf> (date of access: 14.06.2019).
27. Ковба Д. М. Академическая мобильность в высшем образовании в контексте теории «мягкой силы» // Дискурс-Пи. 2016. № 3–4. С. 181–185.
28. Ковба Д. М. Гражданское общество Китая в контексте теории «мягкой силы» // Теории и проблемы политических исследований. 2017. № 4. С. 197–205.
29. Nye J. The Future of power. New York: Public Affairs, 2010. 320 p.
30. Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3 (54). С. 212–223.
31. Петрова Л. Е., Кузьмин К. В. Виртуальная академическая мобильность студентов посредством МООС: методические решения преподавателя вуза // Педагогическое образование в России. 2015. № 12. С. 177–182.

References

1. Marginson S., Van der Wende M. Globalisation and higher education. *OECD Education Working Papers*. 2007; 8: 1–85. DOI: <https://doi.org/10.1787/173831738240>
2. Chen Q. Globalization and transnational academic mobility. The experiences of chinese academic returnees. Singapore: Springer Science+Business Media Singapore and Higher Education Press; 2017. 122 p.
3. Pan S.-Y. Education abroad, human capital development, and national competitiveness: China's brain gain. *Frontiers of Education in China*. 2011; 6 (1): 106–138.
4. Zweig D. Learning to compete: China's efforts to encourage a reverse brain drain. *International Labour Review*. 2006; 145 (1–2): 65–89.
5. Van der Wende M. International academic mobility: Towards a concentration of the minds in Europe. *European Review*. Cambridge University Press. 2015; 23 (1): 70–88. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1062798714000799>
6. Lee C. S. Global linguistic capital, global cultural capital: International student migrants in China's two-track international education market. *International Journal of Educational Development*. 2019; 67: 94–102.
7. Teichler U. Academic mobility and migration: What we know and what we do not know. *European Review*. 2015; 23 (1): 6–37. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1062798714000787>
8. Geuna A. Global mobility of research scientists, the economics of who goes where and why. Ed. by Geuna A. Amsterdam: Elsevier BV; 2015. 310 p.
9. Pherali T. J. Academic mobility, language, and cultural capital: The experience of transnational academics in British higher education institutions. *Journal of Studies in International Education*. 2012; 16 (4): 313–333.
10. Otto D. Using virtual mobility and digital storytelling in blended learning: Analysing students' experiences. *Turkish Internet Journal of Distance Education*. 2018; 19 (4): 90–103. DOI: 10.17718/tojde.471657
11. Nikulina T. V., Starichenko E. B. Informatization and digitalization of education: Concepts, technologies, management. *Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii = Teacher Education in Russia*. 2018; 8: 107–113. (In Russ.)
12. Karpenko M. Features of the use of methods of forming soft power in the world of electronic learning tools. *Chelovecheskij kapital = Human Capital*. 2016; 88 (4): 17–19. (In Russ.)
13. Rusakova O., Kovba D., Gribov E., Popova N. Cultural diplomacy as the intellectual capital of soft power exercised by the Shanghai Cooperation Organisation member states. In: *Proceedings of the 15th International Conference on Intellectual Capital, Knowledge Management & Organisational Learning ICICKM 2018 Hosted by University of the Western Cape South Africa*; 29–30 Nov 2018; Cape Town, South Africa. p. 277–284.
14. Bondarenko V. V., Zaugarov V. V., Seleznyov P. S., Yudina V. A. The concept of improving university education for foreign students in the Russian Federation within the framework of the policy of soft power. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2018; 8 (5): 6–18. DOI: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2018-8-5-6-18> (In Russ.)

15. Sergeev S. Academic mobility as an instrument of soft power of science. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences*. 2015; 6: 191–194. (In Russ.)
16. Torkunov A. V. Education as soft power instrument in Russian foreign policy. *Vestnik MGIMO Universiteta = MGIMO Review of International Relations*. 2012; 4: 85–93. (In Russ.)
17. Lomer S. Soft power as a policy rationale for international education in the UK: A critical analysis. *Higher Education*. 2017; 74 (4): 581–598. DOI: 10.1007/s10734-016-0060-6.
18. Li J. Conceptualizing soft power of higher education, perspectives on re-thinking and reforming education. Singapore: Springer; 2018. 251 p.
19. Bhuian S. N. Sustainability of Western branch campuses in the Gulf Region: Students' perspectives of service quality. *International Journal of Educational Development*. 2016; 49: 314–323. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijedu-dev.2016.05.001>
20. Wojciuk A. Higher education as a soft power in international relations. Chapter 8. Ed. by Y. Watanabe. *Handbook of cultural security*. Cheltenham: Edgar Elgar; 2018. p. 343–347.
21. Bilecen B., Van Mol C. Introduction: International academic mobility and inequalities. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2017; 43 (8): 1241–1255. DOI: 10.1080/1369183X.2017.1300225
22. Urry J. *Mobil'nosti = Mobility*. Moscow: Publishing House Praksis; 2012. 576 p. (In Russ.)
23. Gribov E. G. Mediation of politics in the framework of mobility theory. In: *Mobil'nost' kak izmereniye myagkoy sily: teoriya, praktika, diskurs: sb. nauch. tr. po itogam Pervoy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy molodezhnoy konferentsii = Mobility as a Soft Power Dimension: Theory, Practice, Discourse. Proceedings of the First All-Russian Scientific and Practical Youth Conference*; 2018 Oct 17; Ekaterinburg. Ekaterinburg: Publishing House Diskurs-Pi; 2019. p. 56–68. (In Russ.)
24. Rusakova O. Mobility discourse in modern communications. *Nauchnye vedomosti. Seriya Gumanitarnaya nauka = Scientific Gazette. Humanities Series*. 2014; 13: 245–252. (In Russ.)
25. Ryazantsev S. V., Rostovskaya T. K., Skorobgatova V. I., Bezverbny V. A. International academic mobility in Russia: Trends, types, state stimulation. *Ekonomika regiona = Economy of Region*. 2019; 15 (2): 420–435. (In Russ.)
26. Macek A., Ritonija N. Virtual mobility in higher Education – the case of DOBA Faculty. *Studies from Education and Society* [Internet]. 2016 [cited 2019 Feb 14]. Available from: <http://irisro.org/edusoc2016nov/26MacekAnita.pdf>
27. Kovba D. Academic mobility in higher education in the context of the theory of soft power. *Nauchnyj zhurnal "Diskurs-Pi" = Scientific Journal Discourse-P*. 2016; 3–4: 181–185. (In Russ.)
28. Kovba D. Chinese civil society in the context of soft power theory. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanij = Theories and Problems of Political Studies*. 2017; 4: 197–205. (In Russ.)
29. Nye J. *The future of power*. New York: Public Affairs; 2010. 320 p.

30. Lebedeva M. M. Soft power: Concept and approaches. *Vestnik MGIMO Universiteta = MGIMO Review of International Relations*. 2017; 3: 212–223. (In Russ.)

31. Petrova L. E., Kuz'min K. V. Virtual academic mobility of students through the MEPC: Methodological solutions of a university teacher. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii = Pedagogical Education in Russia*. 2015; 12: 177–182. (In Russ.)

Информация об авторах:

Ковба Дарья Михайловна – кандидат политических наук, младший научный сотрудник отдела философии Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук; ORCID: 0000-0002-2048-0967; Екатеринбург, Россия. E-mail: daria_kovba@mail.ru

Грибовод Екатерина Григорьевна – кандидат политических наук, младший научный сотрудник отдела философии Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук; ORCID: 0000-0002-1192-5952; Екатеринбург, Россия. E-mail: gribovod_kate@mail.ru

Вклад соавторов. Все авторы приняли равнозначное участие в подготовке статьи и изложенном в ней исследовании.

Статья поступила в редакцию 26.06.2019; принята в печать 13.11.2019. Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Daria M. Kovba – Candidate of Political Sciences, Junior Researcher, Department of Philosophy, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0002-2048-0967; Ekaterinburg, Russia. E-mail: daria_kovba@mail.ru

Ekaterina G. Gribovod – Candidate of Political Sciences, Junior Researcher, Department of Philosophy, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0002-1192-5952; Ekaterinburg, Russia. E-mail: gribovod_kate@mail.ru

Contribution of the authors. All authors have contributed equally to writing this manuscript and to the research conducted.

Received 26.06.2019; accepted for publication 12.11.2019.

The authors have read and approved the final manuscript.